

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

На правах рукописи

Трапезникова Елена Валерьевна

**Правоприменительная операция
«толкование диспозиции нормативного
правового предписания»**

**Научная специальность 5.1.1.
Теоретико-исторические правовые науки**

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук*

Омск 2025

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Научный руководитель:

Поляков Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Официальные оппоненты:

Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет»;

Смирнова Марина Геннадьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры частного права, сравнительного правоведения и правотворчества федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет»

Ведущая организация:

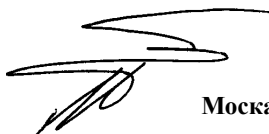
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет» (г. Иркутск)

Защита состоится 7 октября 2025 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета 03.2.010.02, созданного на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», по адресу: 644092, г. Омск, проспект Комарова, д. 7, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (<http://www.omamvd.ru/diss/>).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук**

Москаленко Глеб Евгеньевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью единообразного понимания и интерпретации правовых норм для обеспечения законности и правопорядка в обществе. Проблема законности является постоянно актуальной. В Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. в очередной раз было сказано, что «никому — ни представителям власти, ни сотрудникам правоохранительных органов — не позволено притеснять людей, преступать закон или использовать его в корыстных целях»¹. Для установления законности и правопорядка в государстве, обеспечения равенства всех граждан перед законом необходимо, чтобы правоприменительные органы правильно толковали и единообразно применяли законы. Это может быть достигнуто путем соблюдения правил, сформулированных наукой.

Правоприменительный аспект. При решении юридического дела вначале должны быть определены нормы права, по которым устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 148 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч. 1 ст. 133 Арбитражного процессуального кодекса РФ, п. 1 ч. 1 ст. 138 Кодекса административного судопроизводства РФ).

Нередко возражение ответчика против требования истца состоит в утверждении, что нормой права, на которую ссылается истец, предусмотрено право ответчика, а не обязанность совершения действий. Тем самым ответчик указывает на несоответствие диспозиции нормы права, на которую ссылается истец, его притязанию. Такие юридические возражения являются самостоятельным способом защиты против иска. В связи с этим необходимо выделять толкование диспозиций нормативных правовых предписаний (далее — НПП) при таком юридическом возражении против иска как самостоятельную правоприменительную операцию. Потребность в толковании права возникает тогда, когда существуют, как минимум, два несовпадающих суждения относительно содержания текста правового акта. Следовательно, при столкновении позиций истца и ответчика относительно предписанной им модели взаимодействия у правоприменителя возникает потребность в толковании диспозиции нормы права, применяемой в деле, для получения вывода о распределении прав и обязанностей сторон в конкретном деле.

¹ *Послание* Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 29.02.2024 // Российская газета. 01.03.2024. № 46.

Для этого необходимо выявление конкретных приемов и правил толкования относительно особого предмета толкования.

Целью толкования является не абстрактное понимание смысла правовой нормы ради академических целей, а познание ее для правильного разрешения конкретных жизненных случаев. От единообразного понимания правоприменителями велений о дозволенности или необходимости деяний адресатов НПП зависит формирование единства правоприменительной практики.

Правотворческий аспект. Возникновение конфликтов в толковании предписанных сторонам НПП указывает на наличие неясно сформулированных положений нормативных правовых актов (далее — НПА). Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал важность соблюдения законодателем требования формальной определенности правовых предписаний, исключающего противоречивость правового регулирования¹. Исследование процесса толкования диспозиции НПП способствует выявлению дефектов законодательной техники, приводящих к потребности толкования, что может стать источником рекомендаций по формулированию диспозиций НПП и совершенствованию правил законотворческой техники.

Доктринальный аспект. На современном этапе развития юридической науки остается без внимания исследователей изучение процесса толкования права при совершении отдельных правоприменительных операций. Научных исследований толкования права по указанному предмету и, соответственно, конкретных предложений по решению юридических дел, в которых возникают споры о содержании предписаний, адресованных участникам конфликтов, практически нет.

Дидактический аспект. Результаты таких научных исследований необходимы также юридическому образованию, обучающему технике толкования права для решения юридических дел.

Степень разработанности темы. Толкование права — одна из центральных тем науки теории права. Методологические и логико-теоретические основы современного учения о толковании права были заложены в трудах дореволюционных исследователей: Е. В. Васьковского, Н. М. Коркунова, И. В. Михайловского, С. А. Муромцева, И. А. Покровского, Е. Н. Трубецкого, В. М. Хвостова, Г. Ф. Шершеневича и др. Учеными толкование права рассматривалось как логический процесс раскрытия воли

¹ См., напр.: *По делу о проверке конституционности части 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* в связи с жалобой гражданина В. А. Чистякова: постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2020 № 4-П // Российская газета. 04.02.2020. № 22.

законодателя, который достигается сочетанием грамматического анализа текста закона и логического учета исторических, системных и аксиологических факторов. В указанный период был заложен фундамент теоретических исследований способов (грамматического, исторического, логического, системного) и видов (по объему, по субъекту, по обязательности) толкования права.

В советский период развития права проблема толкования права получила дальнейшее развитие в работах С. С. Алексеева, С. И. Вильнянского, Н. Н. Вопленко, В. В. Лазарева, Т. Я. Насыровой (Хабриевой), П. Е. Недбайло, И. С. Перетерского, А. С. Пиголкина, А. Ф. Черданцева и др. Исследователи рассматривали толкование права с позиции формально-догматического уяснения смысла текста законов на основе логических и грамматических правил. Также были предложены функциональный, юридико-технический, телеологический способы, уточнены виды толкования права, исходя из новых государственно-правовых реалий.

В 90-е годы XX в. проблема толкования права изучалась преимущественно представителями отраслевых юридических наук. С начала XXI в. интерес к толкованию права представителями науки теории права вновь возрос. Предметом исследования соискателей были различные аспекты интерпретационной деятельности: виды толкования по субъектам, способам, объему; особенности толкования отдельных объектов, некоторые аспекты толкования в рамках сравнительного правоведения и иные общие (методологические, теоретические) проблемы толкования права.

В общем массиве диссертаций по толкованию права в пяти диссертациях обоснованы общие правила или приемы системного и языкового способов толкования (А. Н. Булаев, Ю. С. Ващенко, Н. Л. Дворников, Р. С. Кашанский, А. Г. Манукян¹). Проблеме судебного толкования посвящены диссертации В. Е. Годика и Е. В. Пирмаева². Научная задача разработки практических рекомендаций по толкованию права в рамках отдельной правоприменительной операции была поставлена в диссертации Д. Н. Левиной³.

¹ Булаев А. Н. Роль систематического толкования в обеспечении единства российского законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008 ; Ващенко Ю. С. Филологическое толкование норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002 ; Дворников Н. Л. Системное толкование норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007 ; Кашанский Р. С. Толкование правовых оговорок: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021.

² Годик В. Е. Толкование норм права в судебных решениях в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Пирмаев Е. В. Судебное толкование: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2019.

³ Левина Д. Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.

Различным правоприменительным операциям посвящен ряд диссертаций. А. Н. Илясов, И. В. Колесник и Е. А. Мамай заложили теоретическую основу исследований правоприменительных технологий и процедур¹. Исследование алгоритмов правоприменительных операций осуществляется С. Б. Поляковым и И. А. Гилевым².

Отдельные вопросы структурного анализа норм права, подлежащих применению в конкретном деле, рассматривались в диссертациях А. В. Астанина, К. Е. Игнатенковой, В. В. Толмачева³.

В отличие от исследования правоприменительных операций установления и преодоления коллизий и пробелов в праве на пути определения нормы права, подлежащей применению в конкретном деле, толкование содержания диспозиции спорного НПП не было предметом диссертационных исследований.

Объектом исследования является правоприменительная интерпретация дозволенности, обязательности, запрещенности деяний, изложенных в текстах правовых актов.

Предметом исследования являются особенности толкования правоприменителем содержания диспозиции нормативного правового предписания (право, обязанность, запрет), которым стороны юридического дела обосновывают свои требования и возражения.

Цель работы состоит в создании теоретической процедуры получения правоприменителем достоверных выводов о содержании установленной правотворцем диспозиции нормативного правового предписания при наличии спора сторон об этом в юридическом деле.

Реализация поставленной цели обусловила постановку и решение следующих **задач**:

— определить диспозицию нормативного правового предписания как объект толкования;

¹ Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008 ; Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2014 ; Мамай Е. А. Эффективность правоприменительных процедур: теория, практика, техника : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.

² Поляков С. Б., Гилев И. А. Алгоритмы судебного решения. Пермь, 2020 ; Поляков С. Б., Гилев И. А. Система правоприменительных операций. М., 2023.

³ См., напр.: Астанин А. В. Гипотеза как элемент правовой нормы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: Саратов, 2004 ; Игнатенкова К. Е. Дозволение как способ правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006 ; Толмачев В. В. Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.

- выявить особенности предмета толкования диспозиции нормативного правового предписания, отличающие его от предметов толкования права при совершении иных правоприменительных операций;

- создать систему методов изучения правовых актов для определения приемов и формулы толкования диспозиции нормативного правового предписания;

- создать формулу толкования содержания диспозиции нормативного правового предписания для решения спора в юридическом деле;

- обосновать приемы системного, языкового, логического и телеологического способов толкования диспозиции НПП и их применение по шагам алгоритма толкования;

- доказать применимость созданного алгоритма толкования диспозиции НПП в компьютерной программе для получения выводов при решении юридического дела;

- провести индуктивный анализ судебной практики и установить комбинации переменных формулы толкования диспозиции НПП, однозначно толкуемые судебной практикой;

- выявить в судебной практике неединообразно толкуемые комбинации переменных предлагаемой формулы толкования диспозиции НПП для ее совершенствования;

- сформулировать правила толкования компетенционных НПП.

Методология диссертационного исследования. Общеметодологическую основу исследования составляют принципы диалектико-материалистического подхода к познанию (объективности, системности, детерминизма, необходимости рассмотрения изучаемых явлений в развитии и в их связи с другими явлениями). Данный подход отражается в понимании противоречивости объекта толкования и познаваемости его через практику, взаимосвязи частных и публичных интересов, абстрактного и конкретного в процессе толкования, диалектической связи дозволений и обязанностей, дозволений и запретов.

Также методологической основой изучения содержания диспозиции НПП выступает деонтическая модальность, закладывающая фундамент логико-языкового анализа предписаний с точки зрения их дозволенности, обязательности или запрещенности.

На разных этапах проведения исследования использованы общие логические методы: индукции и дедукции, анализа и синтеза, аналогии, сравнения (например, анализ доктринальных источников, индукция при сборе и обобщении юридической практики, сравнение при выявлении связи норм права с нормативными правовыми предписаниями, синтез при формулировании шагов алгоритма толкования, дедукция при выявлении приемов

отдельных способов толкования, аналогия при формулировании выводов комбинаций переменных формулы толкования). Для уяснения содержания текстов правовых актов использован юридико-догматический метод.

Цель и задачи исследования определяют необходимость использования специальных методов исследования: логико-языковое моделирование (в качестве методологического средства введено понятие «лингвистическая конструкция» для обозначения языковой модели предписанного в диспозиции НПП поведения), синтез логической нормы права (осуществляется на основе системных и логических связей нормативных правовых предписаний в системе права), индуктивный анализ судебного правоприменения (аналитическая процедура выявления и систематизации выводов судебной практики по предмету исследования).

Теоретическую основу исследования составили доктринальные положения правоведов по различным проблемам общей теории права, а также представителей наук философии и языкознания. Опора на научные труды ученых-юристов, а также философов и лингвистов позволила создать целостное представление о предмете исследования, обеспечить методологическую основу его изучения и сформулировать конкретные предложения. При проведении настоящего исследования диссертант обращался к исследованиям:

- методологии научного познания и, в частности, юридического исследования М. Б. Аверина, В. Б. Исакова, С. А. Лебедева, А. А. Малиновского, С. Г. Олькова, В. В. Орлова, В. М. Сырых;

- понятия «нормативное правовое предписание» С. С. Алексеева, Р. Г. Валиева, Н. Н. Вопленко, М. Л. Давыдовой, С. Л. Зивса, Т. В. Кленовой, А. В. Мицкевича, А. Л. Парфентьева, В. М. Сырых;

- структуры и признаков формальной определенности и предостаточно-обязывающего характера правовой нормы С. С. Алексеева, Ю. Г. Арзамасова, В. К. Бабаева, М. И. Байтина, С. В. Бошно, О. Э. Лейста, П. Е. Недбайло, В. С. Нерсисянца, А. С. Пиголкина, И. А. Покровского, С. В. Полениной, М. Г. Смирновой, С. Ю. Суменкова, Ф. В. Тарановского, В. В. Толмачева;

- правовой определенности и неопределенности В. М. Баранова, М. В. Барановой, Н. А. Власенко, А. В. Демина, Д. А. Керимова, И. П. Кожаря, Т. Н. Назаренко, С. Б. Полякова, А. И. Сидоренко;

- методологических и логико-теоретических основ учения о толковании права Е. В. Васильковского, Н. Н. Вопленко, В. В. Лазарева, Т. Я. Насыровой (Хабриевой), А. С. Пиголкина, В. Г. Ротаня, А. Ф. Черданцева;

- логико-языковых феноменов в праве В. К. Бабаева, В. М. Баранова, Н. А. Власенко, М. Л. Давыдовой, А. А. Ивина, Н. Ф. Ковкель, А. В. Корнева, Е. Н. Лисанюк, В. П. Реутова, А. А. Ушакова, А. Ф. Черданцева;

— субъективного права, юридических обязанностей и законных интересов в их взаимосвязи Н. Н. Алексеева, Н. В. Витрука, А. В. Малько, П. П. Серкова, М. Г. Смирновой, Т. А. Солодовниченко, В. В. Субочева, Е. А. Флейшиц;

— компетенционных норм-правообязанностей С. А. Белоусова, В. В. Бутнева, В. В. Лазарева, С. В. Липеня, Д. А. Липинского, Я. М. Магазинера, Ю. А. Тихомирова, В. А. Толстика, В. В. Эмих;

— связанного с правоприменением публичного интереса А. Барака, В. В. Болговой, Б. М. Лазарева, П. Е. Недбайло, В. С. Нерсисянца, С. Б. Полякова, В. М. Сырых, Ю. А. Тихомирова;

— судебного правотворчества Н. А. Власенко, П. А. Гука, Н. А. Колоколова, С. Н. Купцовой, М. В. Кучина, В. В. Лазарева, И. А. Минникеса, М. Н. Марченко, С. Б. Полякова, М. С. Чуниной;

— вопросов лингвистики, относящихся к предмету исследования, М. В. Батюшкиной, А. В. Бондарко, Т. В. Губаевой, Н. Н. Ивакиной, М. Н. Кожиной, Л. Г. Кыркуновой, М. Г. Милутиной, Д. Э. Розенталя, С. В. Тугановой, М. А. Ширинкиной.

Нормативная основа представлена текстами нормативных правовых актов: Конституции РФ, законов и подзаконных актов, как действующих, так и утративших силу.

Эмпирическую основу исследования составили акты судебного правоприменения и интерпретации. Алгоритм толкования содержания диспозиции НПП обоснован на примере 80 судебных актов, выявленных по предмету исследования. В основу выводов о формуле толкования спорных предписаний, о смысле компетенционных предписаний положены правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Всего в работе непосредственно использовано 136 судебных актов, включая 34 акта Конституционного Суда РФ, 47 актов Верховного Суда РФ, 41 акт арбитражных судов, 14 актов судов общей юрисдикции.

Научная новизна исследования состоит в формировании целостного научного представления о процедуре толкования диспозиции нормативного правового предписания как особой правоприменительной операции, основанного на достижениях современной юридической науки, а также философии и филологии. При этом в диссертации:

— выявлено соотношение нормативного правового предписания и нормы права с позиции разрешения юридических дел;

— раскрыт предмет толкования права при реализации правоприменительной операции «толкование содержания предписания»;

— доказана формула толкования диспозиции НПП, ее переменные и варианты значений каждой переменной;

- обосновано использование специальных приемов системного, языкового, логического и телеологического способов толкования содержания диспозиции НПП при наличии спора об этом сторон юридического дела;

- разработан алгоритм толкования диспозиции нормативных правовых предписаний, который позволит достигать определенности и единообразия в правоприменении;

- доказана практическая применимость формулы толкования диспозиции нормативных правовых предписаний посредством информационно-коммуникационных технологий;

- выявлены в судебной практике правила толкования компетенционных предписаний.

Научная новизна выражается в основных **положениях, выносимых на защиту**:

1. С практической точки зрения решения юридических дел нормативным правовым предписанием следует считать часть нормы права в виде обусловленного фактическим составом веления о дозволенности, обязательности, запрещенности деяния, адресованного одной стороне правоотношения, в то время как норма права по представительно-обязывающему характеру совмещает предписания для обеих сторон правоотношения. Диспозицией НПП следует считать часть НПП, содержащую указание на дозволенность, обязательность или запрещенность деяния (право, обязанность, запрет) одной из сторон правоотношения. Как и норма права, НПП в логической завершенности может содержаться в разных нормативных правовых актах и их частях и в разных формах права.

2. Толкование содержания диспозиции НПП (право, обязанность, запрет) является самостоятельной правоприменительной операцией, необходимость которой возникает при юридическом возращении ответчика или лица, привлекаемого к юридической ответственности: норма права, на которую ссылается истец или обвинитель, содержит противоположное по смыслу веление. Эта операция является альтернативной в составе правоприменительной операции определения норм права, по которым должны устанавливаться обстоятельства, имеющие значение для дела. Толкование содержания диспозиции НПП имеет свои особенности, обусловленные отличием предмета толкования права при совершении иных правоприменительных операций.

3. Специальными методами исследования правовых актов для определения формулы и приемов толкования диспозиции нормативного правового предписания являются логико-языковое моделирование (в качестве методологического средства введено понятие «лингвистическая конструкция» для обозначения языковой формы, описывающей предписанное в НПП дея-

ние), синтез логической нормы права (после анализа текста правовых актов и выделения НПП), индуктивный анализ судебной практики (аналитическая процедура выявления и систематизации выводов судебной практики по предмету исследования).

4. Формула толкования права — это методологическая основа толкования, служащая руководством для правоприменителей при анализе и применении правовых норм для уяснения воли законодателя. Она включает в себя систематизированное изложение факторов (условий), влияющих на результат толкования.

Три основные переменные в формуле толкования спорно изложенного нормотворцем НПП: 1) языковая форма изложения диспозиции нормативных правовых предписаний, 2) количество прямых изложений нормативно-правовых предписаний, составляющих норму права, 3) материальный (частный или публичный) и процессуальный (истец или ответчик) статусы адресатов нормы права. Каждая переменная представлена вариантами значений (18 лингвистических конструкций, 4 способа прямых изложений НПП в норме права, 3 варианта распределения статусов адресатов нормы права).

5. Алгоритм толкования диспозиции нормативного правового предписания по доказанной формуле включает в себя следующие шаги:

1) установление материального (частный или публичный) и процессуального (истец или ответчик) статусов участников спорного отношения приемами системного, языкового и телеологического способов толкования;

2) выявление семантического смысла диспозиции каждого обнаруженного НПП приемами языкового способа толкования;

3) синтез диспозиции нормы права из диспозиций корреспондирующих нормативных правовых предписаний, адресованных участниками дела (по предоставительно-обязывающему характеру), приемами системного, логического и телеологического способов толкования;

4) распределение прав, обязанностей и запретов в спорном правоотношении и его проверка применением иных приемов системного, языкового, логического, телеологического способов толкования права.

6. Для толкования содержания НПП субъект толкования должен использовать языковой способ толкования права для выбора лингвистической конструкции, описывающей деяние в тексте правового акта, и для определения связи сказуемого с подлежащим (например, адресатом предписания); системный и логический способы толкования права для построения логической нормы права, особенно тогда, когда предписание в тексте правового акта прямо сформулировано только для одной стороны регулируемого правоотношения; системный и телеологический способы толкования права для выявления цели установления НПП (например, компетенции субъекта

публичного права). Для этих целей аргументированы 3 приема системного способа толкования, 5 приемов языкового способа толкования, 17 приемов логического способа и 5 приемов телеологического способа толкования права при прохождении алгоритма толкования диспозиции НПП.

7. Результат толкования НПП, адресованных сторонам публичного правоотношения, обусловлен особенностями статуса субъектов публичного права. Во-первых, адресованные им компетенционные нормативные правовые предписания обладают уникальной правовой природой — правообязанности, поскольку они не являются классически управомочивающими, обязывающими или запрещающими и соответствуют правоприменению как форме реализации права, свойственной органам власти. Во-вторых, субъект публичного права связан интересами как минимум двух сторон, находясь в отношении «треугольника». В организационно-распорядительных отношениях вершинами треугольника будут 1) правоприменитель, 2) лицо, в отношении которого осуществляется правоприменение, и 3) неопределенный круг лиц, заинтересованный в справедливом распределении ограниченного ресурса и установлении правопорядка. В правоохранительных отношениях в основании «треугольника» — потерпевший и правонарушитель.

Теоретическая значимость работы. Содержащиеся в диссертации положения вносят вклад в развитие науки теории права: дополняют и развивают разделы о правовой норме, правоприменении и толковании права.

Внедрен новый подход к исследованию толкования права: выявление не только приемов и правил, но и формулы толкования. Настоящее исследование ценно систематизацией правил толкования компетенционных предписаний, выявленных в судебной практике.

Выводы настоящего исследования могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях правоприменительной деятельности по толкованию права при совершении отдельных правоприменительных операций.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в нормотворческой, правоприменительной деятельности и в *процессе преподавания* дисциплин «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «Юридическая техника» и различных спецкурсов по юриспруденции.

Для нормотворческой деятельности имеют значение рекомендации по формулированию правотворцем НПП для субъектов публичного права, обоснованные в § 3 главы 3.

Для правоприменительной практики будет востребовано внедрение алгоритма толкования в случае спора сторон о содержании НПП, в том числе с помощью компьютерных программ по алгоритмизации правоприменения.

менения. Выявлены особенности компетенционных НПП, которые следует учитывать правоприменителю для уяснения прав и (или) обязанностей (запретов), адресованных субъектам публичной власти.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Основные результаты работы отражены в 13 научных статьях, в том числе 6 из них в журналах, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертационных исследований, а также представлены на научных конференциях: Международном научно-практическом форуме «Юртехнетика» (Н. Новгород, 2020, 2023, 2024), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы судебной деятельности» (Пенза, 2020), XIII Международном конгрессе ученых-юристов (Пермь, 2023), XI Международной научно-практической конференции «Право и политика: история и современность» (Омск, 2025).

Выводы исследования внедрены в учебный процесс Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского для проведения занятий по дисциплинам «Теория государства и права», «Актуальные проблемы реализации права», «Проблемы теории государства и права», «Юридическая техника», а также в правоприменительную деятельность Индустриального районного суда г. Перми.

Созданный алгоритм толкования содержания диспозиции НПП в соответствии с формулой толкования реализован в программе информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства «Лазер»-ИП-ГПК-2020 (свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2021662386 — приложение 1). Соавторами подтверждено авторство соискателя в создании модуля программы по предмету исследования (приложение 2).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка литературы и трех приложений. Работа выполнена в объеме, установленном Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень ее разработанности, определяются объект и предмет, цели и задачи исследования, раскрываются методологические, теорети-

ческая, нормативная и эмпирическая основы исследования и его научная новизна, излагаются положения, выносимые на защиту, показана теоретическая и практическая значимость работы, подтверждается степень достоверности и апробация результатов исследования, приводится его структура.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования толкования диспозиции нормативного правового предписания» закладывает теоретические и методологические основы исследования, состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе* «Диспозиция нормативного правового предписания как объект толкования» устанавливается соотношение понятий «нормативное правовое предписание» и «норма права».

В российской юридической науке нормативно-правовое предписание определяется как

1) форма (способ) текстуального выражения частей правовых норм и других велений законодателя;

2) элемент содержания права со следующими интерпретациями:

2.1) часть нормы права без особой характеристики;

2.2) один из структурных элементов нормы права (гипотезы, диспозиции, санкции);

2.3) часть нормы права, адресованной одной из сторон правоотношения.

Диссертантом соотношение НПП и норм права рассматривается с позиции решения юридического дела. Для этого необходимо определять деяния (диспозиции) и порождающие их фактические составы (гипотезы) для обеих сторон спорного правоотношения (норма права). Содержание диспозиции правовой нормы образуют право (обязанность) и корреспондирующая ей обязанность (право). Именно с указанной целью дано определение диспозиции НПП — первое положение, выносимое на защиту, — признаком которой является указание на возможность, обязательность, запрещенность деяния одной из сторон правоотношения, тогда как норма права содержит предписания для обеих сторон правоотношения.

Во *втором параграфе* «Определение предмета толкования диспозиции нормативного правового предписания как особой правоприменительной операции» обосновывается необходимость толкования диспозиции НПП. Она возникает при юридическом возражении ответчика или лица, привлекаемого к юридической ответственности, о том, что норма права, на которую ссылается истец или обвинитель, содержит противоположное по смыслу веление. Следовательно, толкование содержания диспозиции НПП (право, обязанность, запрет) является самостоятельной правоприменительной операцией с задачей установления соответствия НПП для ответчика притязаниям истца.

Неясность диспозиции нормы права — частный случай правовой неопределенности. Наиболее распространена правовая неопределенность диспозиции НПП при использовании конструкции законного интереса и в спорах с участием органов публичной власти. Обосновывается, что компетенционные предписания — правообязанности являются особым видом предписаний в ряду с управомочивающими, обязывающими, запрещающими и соответствуют правоприменению как форме реализации права.

В *третьем параграфе* «Методологическая основа изучения толкования диспозиции нормативного правового предписания» раскрываются особенности использования системы специальных методов исследования с целью определения алгоритма, правил и приемов толкования содержания спорного предписания.

Установлено, что методологической основой изучения дозволенности, обязательности и запрещенности деяния является деонтическая модальность как раздел логики и лингвистики. Описаны ее сильные модусы и законы модальной логики, лексические средства выражения дозволенности и необходимости.

Специальными методами исследования являются логико-языковое моделирование, синтез логической нормы права на основе подлежащих анализу выявленных в тексте правовых актов НПП и индуктивный анализ судебного правоприменения.

Обосновано использование метода логико-языкового моделирования. Установление синтаксических связей и лексических форм предложения текста правового акта — обязательный процесс для нормотворца и правоприменителя в создании и уяснении содержания НПП. В качестве методологического средства введено понятие «лингвистическая конструкция» для обозначения языковой модели предписанного в НПП поведения, которое означает обобщенное изложение лексической и (или) морфологической характеристик сказуемых в предложениях текстов НПА, а также отдельных словосочетаний или частей предложения, изменяющих лексическое значение сказуемого.

После уяснения языковой модели предписанного одной стороне правоотношения поведения необходим синтез логической нормы права, которая имеет регулирующее воздействие на правоотношение в целом, т. е. на обе стороны правоотношения. Синтез логической нормы права осуществляется на основе системных и логических связей НПП в системе права.

Индукция и анализ — основные методы изучения судебной практики. Индуктивный анализ — обобщение извлеченной из единичных материалов по установленным параметрам информации (вначале анализ, затем индукция).

Обоснована аналитическая процедура, проводимая в целях выявления и систематизации выводов судебной практики о содержании спорных предписаний: 1) отбор — поиск вероятно релевантных судебных актов из массива всех судебных решений в соответствии с целями исследования; 2) анализ — детальная проверка относимости судебного акта предмету исследования: наличие возражения ответчика о несоответствии нормы права притязанию истца и выявление неоднозначно толкуемых сторонами дела НПП; 3) дедукция — определение семантического значения толкуемой судебным органом в конкретном деле диспозиции НПП, не соответствующего общепотребительному значению; 4) индукция — обобщение выводов судебных органов о форме изложения диспозиции НПП, вызывающей споры о содержании веления, для формирования вывода по комбинации переменных формулы толкования.

Во **второй главе** «Формула и алгоритм толкования диспозиции нормативного правового предписания» доказана формула толкования диспозиции НПП во взаимосвязи с алгоритмом толкования (последовательности использования приемов толкования права). Глава состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе* «Формула толкования диспозиции нормативного правового предписания» обоснована обязательность установления трех переменных формулы толкования спорного предписания.

Первая переменная формулы толкования — лингвистическая конструкция НПП. Диссертантом описывается значение и специфика глагольных и именных форм выражения сказуемого в предложениях законодательного текста, излагаются выявленные и классифицированные по содержанию лингвистические конструкции, содержащие право, обязанности и запреты (значения переменной).

Управомочивающие лингвистические конструкции: 1.1) лексемы с значением «свобода действий»: слова с корнем «прав» (предикатив «вправе», «имеет право», «принадлежит право») или глагол «мочь» и глагол в инфинитиве, в том числе возвратный (*вправе требовать, могут производить*); 1.2) словосочетание «может быть» и глагол в страдательном залоге или причастие (описание должного действия над объектом, например, *может быть оспорено*); 1.3) возвратные глаголы «разрешается», «допускается» и их синонимы с отглагольным существительным или глаголом в инфинитиве; 1.4) использование слов «по своему усмотрению» и им подобных; 1.5) глагол в настоящем времени (как с предлогом «не», так и без), предоставляющий по смыслу возможность реализации или защиты своего права (*направляет заявление на неустойку, использует свое право, переходит право*) или сохранения своих экономических/правовых возможностей (*отказывает*

в выплате); 1.6) исключения из общего правила-запрета или обязанности (например, используя слова «за исключением случаев...», «кроме...»).

Лингвистические конструкции долженствования: 2.1) составное глагольное сказуемое, состоящее из краткого прилагательного «должен», «обязан» или синонимов и глагола в инфинитиве (*должен предоставить, обязан передать*); 2.2) глагол в форме третьего лица настоящего времени в действительном залоге (*передает, направляет*); 2.3) глагол в форме третьего лица настоящего времени в страдательном залоге (*уведомление передается, доставка осуществляется*); 2.4) словосочетание «должно быть» и глагол в страдательном залоге (описание должного действия над объектом, например, *должно быть передано*); 2.5) составное именное сказуемое в страдательном залоге (*подлежит компенсации*); 2.6) зависимая синтаксическая конструкция (причастный или деепричастный оборот, придаточная часть сложноподчиненного предложения) (*требование о восстановлении на работе считается фактически исполненным, если взыскатель допущен к исполнению прежних трудовых обязанностей и отменен приказ об увольнении*).

Лингвистические конструкции запрета: 3.1) причастие «запрещено» (или однокоренное слово с корнем «запрет»/«запрещ») с глаголом-инфинитивом или отглагольным существительным (*запрещено проходить, запрещено привлечение*); 3.2) предикатив «вправе» с отрицательной частицей «не» и глаголом в инфинитиве (*не вправе проводить, не вправе пресекать*); 3.3) глагол в форме третьего лица настоящего времени в страдательном залоге с частицей «не» (*не применяется*); 3.4) глагол «допускается» или синонимы с отрицательной частицей «не» и существительное; 3.5) глагол «мочь» и глагол в инфинитиве или в страдательном залоге с частицей «не» (*не может быть представлен, не может привлекаться*); 3.6) исключения из общего правила-дозволения (например, используя слова «за исключением случаев...», «кроме...»).

Вторая переменная формулы толкования — количество прямых изложений НПП, составляющих норму права в соответствии с притязанием истца. Возможны четыре варианта значений переменной формулы: 1) норма права конструируется из одного нормативно-правового предписания, адресованного истцу; 2) норма права конструируется из одного нормативно-правового предписания, адресованного ответчику; 3) норма права конструируется из двух нормативно-правовых предписаний, адресованных обоим субъектам правоотношения (в формах права обнаруживается полностью сконструированная норма права, адресаты НПП — разные стороны), 4) норма права конструируется из одного нормативного правового предписания, адресованного обоим субъектам (одно общее НПП).

Приводятся варианты корреспонденции лингвистических конструкций НПП: 1) праву на собственные действия корреспондирует обязанность совершения действия; 2) праву на собственные действия корреспондирует запрет на совершение действий; 3) праву требования корреспондирует обязанность совершения активных действий; 4) обязанности совершения активных действий корреспондирует обязанность совершения активных действий; 5) обязанность совершения активных действий корреспондирует запрету на вмешательство в чужие дела.

Выявлены способы логической «сцепленности» НПП между собой в норму права: 1) прямой (фактический состав одновременно порождает комплексы встречных прав и обязанностей) и 2) «цепная» последовательность (реализация предписания одной стороны правоотношения (действие, предусмотренное адресованной ей диспозицией) является одновременно юридическим фактом (гипотезой), связывающим реализацию диспозиции предписания другой стороной правоотношения).

Установлены типичные юридико-технические приемы изложения отдельных способов правового регулирования. Дозволения выражаются: 1) лексемами со значением «свобода действий», 2) формулированием компетенции публичного лица по оказанию публичных услуг (дозволение для частного лица), 3) указанием на обязанности выполнения действий для достижения правовой цели, 4) определением обязанностей противной стороны в относительных правоотношениях, 5) указанием запрещенного поведения при общедозволительном типе правового регулирования.

Обязанности излагаются: 1) использованием лексических форм выражения обязанностей; 2) через наделение запретами; 3) предоставлением одному субъекту прав, реализация которых невозможна без совершения другим лицом активных действий; 4) возложением на носителя субъективного права в скрытой форме иных обязанностей, неисполнение которых влечет отказ в защите права; 5) через наделение субъективным правом, когда оно неотделимо от юридической обязанности.

Запреты могут быть выражены через 1) дозволения отдельным публичным субъектам, поскольку иным лицам это делать возбраняется; 2) обязанности, поскольку имплицитно это является запретом пассивного поведения, 3) лексемы со значением запрещенности действий; 4) отрицательную часть «не» с глаголами.

Третья переменная формулы толкования диспозиции НПП — статус сторон спорного правоотношения.

По материально-правовому статусу для определения содержания диспозиции НПП следует различать субъектов публичного права (публичные лица), которые действуют во благо неопределенного круга лиц (публичного

интереса), а не для своего персонального интереса, и субъектов частного права (частные лица), которые удовлетворяют в правоотношениях свой персональный интерес или защищают себя от посягательств иных лиц. К субъектам публичного права могут относиться публично-правовые образования, государственные органы и организации различных организационно-правовых форм, должностные лица и иные служащие, агенты публичной власти. К субъектам частного права, помимо физических и юридических лиц, могут относиться и агенты публичной власти, выступающие как носители гражданских прав и обязанностей.

Отмечено, что по причине выражения публичного интереса субъект публичного права в правоотношении взаимодействует с частным лицом непосредственно и с неопределенным кругом лиц. Это предопределяет разные деонтические оттенки управомочивания компетенционных предписаний: 1) «право» = обязанность, корреспондирующая праву субъекта частного права. При наличии предусмотренных законодательством оснований право должностных лиц становится обязанностью; 2) «право» дано для предоставления субъекту публичного права обязательного мотивированного выбора одного из установленных вариантов поведения; 3) «право» — указание на дискрецию (свободу усмотрения) наиболее предпочтительного для частного лица варианта поведения в зависимости от всех фактических обстоятельств дела.

По процессуально-правовому статусу для определения содержания диспозиции НПП в юридическом споре следует различать истца (обвинителя) и ответчика (обвиняемого).

Возможны три варианта значений третьей переменной формулы толкования: 1) истец — субъект частного права, ответчик — субъект публичного права (Ч — П); 2) истец — субъект публичного права, ответчик — субъект частного права (П — Ч); 3) истец и ответчик — субъекты частного права (Ч — Ч).

Конфликт в варианте П — П решается в порядке субординации, а потому не имеет практического значения для судебного решения спора.

Второй параграф «Алгоритм и способы толкования диспозиции нормативного правового предписания» посвящен выявлению приемов системного, языкового, логического и телеологического способов толкования права для определения последовательности их использования (алгоритма толкования).

Выявлено, что применение системного способа толкования необходимо при определении статусов сторон правоотношения и синтезе логических норм права и дает основание для использования других способов толкования. Обоснованы 3 приема системного способа толкования по заявленному

предмету: 1) учет ассоциированных НПП в связи с предметом спора (притязанием); 2) учет специальных правил при наличии оговорки «если иное...» и ей подобных; 3) выявление функционального значения принципов, деклараций, дефиниций.

В качестве приемов языкового способа толкования установлены:

1) определение лексического значения употребляемых законодателем слов:

1. Предоставляют адресату предписания субъективное право:

1.1. Лексемы с со значением «свобода действий»;

1.2. Возвратные глаголы «разрешается», «допускается» и их синонимы;

1.3. Слова «по своему усмотрению» и им подобные.

2. Устанавливают обязанности адресату предписания:

2.1. Глаголы в форме третьего лица настоящего времени в действительном или страдательном залоге;

2.2. Лексемы со значением долженствования;

3. Устанавливают запреты адресату предписания:

3.1. Лексемы с корнем «запрещ»/«запрет»;

3.2. Отрицательная частица «не» с предикативами и глаголами;

2) выбор из перечня одной из восемнадцати лингвистических конструкций, которая соответствует тексту применяемого в деле положения закона, и определение ее связи со способом правового регулирования (дозволение, обязывание, запрет); 3) определение грамматической основы предложения (подлежащее и сказуемое); 4) учет логической связи смысловых частей предложения; 5) преобразование дескриптивных (описывающих) грамматических предложений без потери смысла в прескриптивные (предписывающие) грамматические предложения.

Логический способ толкования права используется для построения логической нормы права, особенно тогда, когда предписание в тексте правового акта прямо сформулировано только для одной стороны правоотношения. Выделены следующие мыслительные операции (приемы логического способа толкования):

1) логическое преобразование описательного нормативного предложения должно содержать нормативные термины в соответствии с требованиями деонтической модальности;

2) конструирование диспозиций из гипотез предписаний (логическое следование предписаний из предписаний);

3) выведение содержания предписания для вида субъектов или объектов правоотношений из регулирования рода субъектов или объектов;

4) контрарный вывод о содержании предписания: предоставление субъекту права предусматривает запрет для совершения действия за рамка-

ми указанных в гипотезе обстоятельств (при разрешительном типе правового регулирования);

5) контрарный вывод о содержании предписания: предоставление субъекту запрета предусматривает право на совершение действия за рамками указанных в гипотезе обстоятельств (при общедозволительном типе правового регулирования);

6) обязанность совершения действий по предотвращению негативных последствий следует из запрета на действие, ведущее к этому негативному последствию;

7) установление обязанности предполагает запрет на совершение действий, не предусмотренных гипотезой нормативного правового предписания;

8) установление обязанности предполагает освобождение от обязанности при отсутствии в фактических обстоятельствах дела фактов, предусмотренных гипотезой предписания;

9) контрарный вывод о содержании предписания при использовании приема исключения из общего правила;

10) если устанавливается право/запрет на действия, то устанавливается право/запрет и на правовой результат, а значит имеется право/запрет на совершение других действий, ведущих к конкретному правовому результату (с учетом системы права);

11) если устанавливается право/запрет на правовой результат, то предполагается право/запрет на совершение действий, ведущих к определенному правовому результату (с учетом системы права);

12) если устанавливается право на дискрецию, то предполагается обязанность совершения действий, лежащих в основе решения;

13) учет системных связей структурных элементов субъективных прав и обязанностей в правоотношении (например, праву требования корреспондирует обязанность совершения активных действий — в соответствии с логической связью);

14) кто управомочен или обязан к большему, тот управомочен или обязан к меньшему (с учетом системы права);

15) кому воспрещено меньшее, тому воспрещено и большее (с учетом системы права);

16) что требуется для меньшего, то необходимо и для большего (с учетом системы права);

17) охранительная норма предполагает логическое следование регулятивной норме (запрет действий, предусмотренных гипотезой охранительной нормы).

Установлено, что общие логические мыслительные операции раскрываются правоведами в научных позициях о типах правового регулирования,

в определении запретов и дозволений в качестве общих (абстрактных) или конкретных и их связи с исключениями в праве, в понимании «зеркальной» связи дозволений и запретов, дозволений и обязанностей, диалектического перехода одного в другое, о признаке предоставительно-обязывающего характера правовых норм.

Соискатель считает необходимым учитывать целевое, социально-политическое, аксиологическое содержание нормы, которое не может раскрыться языковым, логическим способами толкования, и обозначает это в качестве телеологического способа толкования. Выделяются 5 приемов указанного способа толкования: 1) определение материального статуса стороны с учетом представляемых им интересов (частный или публичный); 2) учет цели вступления сторон в правоотношение (ближайшая цель реализации НПП); 3) учет цели установления публично-правового регулирования (отдаленная цель реализации НПП); 4) установление цели введения ограничений прав и свобод; 5) учет разумности результата толкования и соответствие его социальной действительности.

В соответствии с формулой толкования алгоритм толкования по исследуемому предмету включает в себя шаги, представленные в положении 5, выносимом на защиту.

В *третьем параграфе* «Формула толкования диспозиции нормативного правового предписания в компьютерной программе» излагаются обязательные переменные формулы толкования содержания диспозиции спорного предписания с выборами значений для каждой переменной при адаптации процесса толкования к алгоритмам компьютерной программы информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства «Лазер»-ИП-ГПК-2020. Описывается ход работы в модуле программы по выбору отдельных элементов интерфейса согласно алгоритму толкования. Указаны нововведения в вариантах выбора значений переменных формулы толкования, сделанные по результатам проведения настоящего исследования.

Обосновано, что судебное нормотворчество является критерием истинности формулы толкования диспозиции НПП и выводов по комбинациям ее переменных. Излагаются особенности выбора правоприменительных актов для индуктивного анализа.

Третья глава «Доказывание формулы толкования диспозиции нормативных правовых предписаний в судебной практике» состоит из трех параграфов и содержит результаты проведенной аналитической процедуры изучения судебной практики по предмету исследования, а также теоретические выводы, полученные в результате ее проведения.

В *первом параграфе* «Комбинации переменных формулы толкования диспозиций нормативных правовых предписаний, результаты толкования которых не вызывают разногласий в судебной практике» представлены 37 комбинаций переменных формулы толкования, встретившиеся в судебной практике, выводы по которым о содержании предписания сделаны судебной властью и сомневаться в аргументации которых нет оснований.

Материалы параграфа подтверждают обоснованность, достоверность, проверяемость теоретических выводов диссертации о процедуре и формуле толкования содержания диспозиции НПП.

Судебной практикой подтверждается, что результат толкования содержания диспозиции НПП зависит не только от языкового изложения способа правового регулирования (права, обязанности, запрет) и может ему не соответствовать. Также обоснован тезис о преобладающем количестве споров о содержании диспозиции предписаний в делах с участием субъектов публичного права (споров из публичных правоотношений).

Во *втором параграфе* «Спорные комбинации переменных формулы толкования диспозиции нормативных правовых предписаний» представлены 8 комбинаций переменных формулы толкования предписаний, по которым вынесены противоположные судебные решения либо аргументация единственного судебного решения по комбинации вызывает сомнения (спорные комбинации переменных формулы толкования предписаний). Для четырех комбинаций рекомендовано вводить дополнительные переменные формулы.

Формулирование предписания для истца — частного субъекта без объективации предписания, адресованного публичному лицу, является дефектом нормотворческой юридической техники.

Запрещающее предписание, адресованное публичному лицу, в качестве основания для притязания истца неоднозначно. Интерес истца может быть удовлетворен как соблюдением запрета, так и исполнением публичным лицом запрещенных действий. Для такого варианта введена дополнительная переменная формулы толкования — реализация интереса частного лица. В зависимости от того, что требует истец, следует вывод о предписанном действии публичного лица-ответчика.

В спорах между частными лицами выявлены примеры толкования, не соответствующие общераспространенному правилу толкования корреспонденции «право — обязанность (запрет)». Результат толкования может измениться в зависимости от слабости сторон правоотношений (не право, а обязанность сильной стороны; не обязанность, а право слабой стороны). В три комбинации введена дополнительная переменная формулы толкования — является ли истец заведомо слабой стороной спорного правоотношения.

В *третьем параграфе* «Особенности толкования диспозиций компетенционных нормативных правовых предписаний» обоснована необходимость формулирования специальных правил толкования компетенционных НПП по причине произвольного толкования правоприменителями адресованных им предписаний, вследствие чего происходит превышение публичным субъектом своих полномочий или пассивное поведение при обязанности действовать. Указывается, что толкование дискреционных полномочий не может быть произвольным и аргументироваться наличием права на свободное усмотрение.

На основе анализа эмпирических и теоретических источников, посвященных особенностям статуса субъектов публичного права и содержания адресуемых им НПП, сформулированы правила толкования компетенционных НПП:

1) при наличии права частного лица требовать от должностного лица исполнения полномочия, выраженного управомочивающей лингвистической конструкцией, такое полномочие должно толковаться как обязанность вне зависимости от наличия урегулирования процедуры исполнения этой обязанности;

2) если последствия реализации дозволяющего компетенционного предписания будут явно несоразмерны цели его установления, то такое деяние считается запрещенным из-за вероятного нарушения баланса частных и публичных интересов;

3) содержание полномочия правоприменителя ограничивается объемом обязанности частного субъекта. Полномочие привлекать к ответственности частное лицо при отсутствии установленной для последнего в законе обязанности и/или фактической возможности выполнить требуемое публичным лицом в соответствии с полномочием действие толкуется как запрет;

4) указание в законе срока исполнения полномочия обязывает субъекта публичного права совершить указанные действия в установленный срок. Полномочие после истечения срока на реализацию толкуется как запрет на такие действия;

5) полномочие, изложенное глаголом в форме третьего лица настоящего времени в действительном залоге (*обеспечивает, направляет*), толкуется в качестве обязанности действовать предписанным образом в сроки и формах, предусмотренных законодательством;

6) полномочие, изложенное лингвистической конструкцией в страдательном залоге (*проверка осуществляется*), толкуется как обязанность органа или должностного лица, полномочного совершать действия над объектом;

7) объем практических действий по исполнению обязанности ограничен перечнем, предусмотренным законом. Отсутствие в качестве формы

исполнения обязанности указания на конкретные действия толкуется как запрет на их совершение, что соответствует разрешительному типу правового регулирования деятельности должностных лиц: можно то, что прямо разрешено;

8) общее управомочивающее предписание для субъекта публичного права и субъекта частного права, определяющее объем правоприменительного действия, толкуется как право частного лица и обязанность публичного лица;

9) управомочивающие предписания толкуются как обязанности субъекта публичного права, если совершение действия требуется для удовлетворения публичного интереса;

10) наличие дефиниции (указание на свойства объекта правоотношения) толкуется как обязанность соизмерять объем своих полномочий в отношении определяемого объекта с признаками законодательной дефиниции.

Также выработаны рекомендации нормотворцам по формулированию адресованных публичным лицам нормативных правовых предписаний:

1) использовать преимущественно лексемы со значением «долженствование» («обязан», «должен», «обязуется», «запрещается» и др.);

2) каждое компетенционное НПП должно иметь конкретного адресата;

3) использование краткого прилагательного «вправе» должно ограничиваться казуальным перечислением возможности свободного усмотрения и ясным запретом на действия при отсутствии таких условий в фактических обстоятельствах дела;

4) глаголами в форме третьего лица настоящего времени излагать обязанности, а не право;

5) необходимо точно определять основания, сроки, форму реализации каждого полномочия;

6) не использовать общие НПП, адресованные одновременно обоим субъектам (за исключением участия сторон в договорном регулировании);

7) не использовать взаимно управомочивающие компетенционные предписания и НПП, адресованные частным субъектам;

8) устанавливать в нормативном правовом акте предписания для обеих сторон правоотношения (необходимо формулировать корреспондирующие предписания, адресованные частным лицам);

9) необходимо законодательное закрепление презумпции: правомочие публичного лица является его юридической обязанностью, если нельзя однозначно определить его как субъективное право и вероятно его реализацией нарушить права частного лица.

В **заключении** изложены основные выводы, обозначена перспективы дальнейшего исследования темы диссертации и внедрения его результатов в практику.

В **приложении** представлены свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ «Программа информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства „Лазер“-ИП-ГПК-2020», сканы страниц монографий научного руководителя С. Б. Полякова со ссылками на настоящее исследование и подтверждением авторства соискателя в создании модуля программы «Лазер»-ИП-ГПК-2020 для совершения заглавной правоприменительной операции, а также выводы по комбинациям переменных формулы толкования для введения в компьютерную программу.

**Основные положения диссертационного исследования
опубликованы в следующих работах:**

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертации:

1. Трапезникова, Е. В. Решение спора о содержании предписания (право или обязанность?) / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // *Ex Jure*. — 2020. — № 3. — С. 16–32 (0,84 п. л.).

2. Трапезникова, Е. В. Практический аспект понятия «нормативно-правовое предписание» / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // *Российский юридический журнал*. — 2020. — № 4 (133). — С. 21–27 (0,76 п. л.).

3. Трапезникова, Е. В. Толкование компетенционных норм в судебной практике / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // *Научный вестник Омской академии МВД России*. — 2020. — Т. 26, № 4 (79). — С. 53–57 (0,45 п. л.).

4. Трапезникова, Е. В. Лингвистическая конструкция диспозиции нормы права / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // *Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России*. — 2021. — № 1 (53). — С. 251–257 (0,69 п. л.).

5. Трапезникова, Е. В. Что может, а что нет компьютер в правоприменении / И. А. Гилев, Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2021. — № 3. — С. 17–22 (0,5 п. л. / 0,5 п. л.).

6. Трапезникова, Е. В. Применение частноправовых конструкций в публичных правоотношениях / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // *Ex Jure*. — 2024. — № 2. — С. 100–112 (0,67 п. л.).

Иные публикации:

7. Трапезникова, Е. В. Выявление в судебной практике правил толкования норм права / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный //

Актуальные проблемы судебной деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 29 октября 2020 г.). — Пенза : Пензенский государственный университет, 2020. — С. 215–222 (0,34 п. л.).

8. *Трапезникова, Е. В.* Формула компьютерного толкования диспозиции нормы права / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // Юридическая техника. — 2021. — № 15. — С. 710–714 (0,62 п. л.).

9. *Трапезникова, Е. В.* Правовая природа диспозиции компетенционных норм / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // Пермский юридический альманах. — 2021. — № 4. — С. 108–121 (0,67 п. л.).

10. *Трапезникова, Е. В.* Неопределенность правовых предписаний как предмет экспертизы нормативных правовых актов (по решениям Конституционного Суда Российской Федерации) / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // Юридическая техника. — 2022. — № 16. — С. 640–644 (0,48 п. л.).

11. *Трапезникова, Е. В.* Предмет и процесс анализа судебной практики в целях определения содержания предписания / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // Юридическая техника. — 2024. — № 18. — С. 304–308 (0,47 п. л.).

12. *Трапезникова, Е. В.* Виды предмета судебного толкования права / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // Пермский юридический альманах. — 2024. — № 7. — С. 32–39 (0,44 п. л.).

13. *Трапезникова, Е. В.* Судебная практика как эксперимент в правовом регулировании и науке / Е. В. Трапезникова. — Текст : непосредственный // Юридическая техника. — 2025. — № 19. — С. 431–435 (0,52 п. л.).

Подписано в печать ____ .07.2025

Усл. печ. л. 1,5
Тираж ____ экз.

Уч.-изд. л. 1,5
Заказ № ____

ОПиОП РИО Омской академии МВД России
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7